

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия основана в 2002 году

ЭДИТ УОРТОН

Эпоха невинности
Итан Фром

Перевод с английского

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
У64

Перевод с английского

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

В оформлении суперобложки
использованы фрагменты работ художников
Альберта Бека Венцелла и Фредерика Чайльда Гассамы

Уортон, Эдит.

У64 Эпоха невинности; Итан Фром : перевод с английского
Уортон, как «Обитель радости», «Итан Фром», «Эпоха невинности», «Плод дерева», вошли в золотой фонд американской литературы. Роман «Эпоха невинности» лег в основу одноименного фильма Мартина Скорсезе, получившего признание и популярность. Противостояние личности и общества, столкновение общепринятых моральных устоев и искренних глубоких чувств неизбежно приводят к трагедии, ломают человеческие судьбы. И не всем хватает мужества, чтобы преодолеть вставшие на пути к счастью препятствия и отстоять свою любовь.

ISBN 978-5-04-103669-0

Эдит Уортон — автор более двадцати романов и десяти сборников рассказов — первая женщина-писательница, удостоенная Пулитцеровской премии в 1921 году. Такие произведения Уортон, как «Обитель радости», «Итан Фром», «Эпоха невинности», «Плод дерева», вошли в золотой фонд американской литературы. Роман «Эпоха невинности» лег в основу одноименного фильма Мартина Скорсезе, получившего признание и популярность. Противостояние личности и общества, столкновение общепринятых моральных устоев и искренних глубоких чувств неизбежно приводят к трагедии, ломают человеческие судьбы. И не всем хватает мужества, чтобы преодолеть вставшие на пути к счастью препятствия и отстоять свою любовь.

«Итан Фром» — повесть о трагической судьбе фермера из Новой Англии, действие которой разворачивается на фоне суровой сельской местности.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Осенева Е., перевод на русский язык, 2023
© Комарова И., перевод на русский язык, 2023
© Сумм Л., предисловие, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-103669-0

Оглавление

Л. Сумм.
Унесенные веком

5

ЭПОХА НЕВИННОСТИ

Перевод Е. Осеневой

КНИГА ПЕРВАЯ

19

КНИГА ВТОРАЯ

189

ПРИМЕЧАНИЕ К ТЕКСТУ

362

ИТАН ФРОМ

Перевод И. Комаровой

363

УНЕСЕННЫЕ ВЕКОМ

Первую повесть пятнадцатилетней Эдит мать дочитала до реплики: «Если б меня предупредили о вашем визите, я бы распорядилась убрать в гостиной» — и отложила, заметив: «Глупости! Гостиные всегда хорошо убраны».

В семье Джоунсов, потомков первых английских и голландских колонистов, строго соблюдались приличия.

Хорошие манеры предполагали прежде всего запрет «вульгарных» тем: секса, финансов (о деньгах миссис Джоунс рекомендовала дочери думать как можно реже) и даже искусства как слишком вольного проявления индивидуальности, особенно нежелательного в девушке на выданье. Изящные стихи более-менее были терпимы, и родители опубликовали за свой счет маленький поэтический сборник Эдит, но о прозе она забыла на долгие двадцать лет. Девушка последовала обычным для своего круга путем, вступив в спланированный брак с добрым малым и хорошим спортсменом Тедом Уортоном. Замужество оказалось классически несчастливым.

О муке человека, попавшего в ловушку «не своего» брака, Эдит напишет неоднократно. Известнейшие ее романы — и «Эпоха невинности», и «Итан Фромм», и «Дом веселья» — не столько о несчастной любви, сколько о неудачном браке. Замечательно, что героями и страдальцами в этих романах выступают мужчины. Свою дилемму Эдит делегирует другому полу отчасти, наверное, из цензурных соображений: женщина, бющаяся в тенетах добропорядочного, но почему-либо не удовлетворяющего ее брака, чересчур «вульгарна». И убедительнее становится выморочность тех условий жизни, в которых не только слабый и зависимый партнер, но и воплощение не-

зависимости — джентльмен со средствами — скован по рукам и ногам обычаем и приличиями.

Но это соображение для художественного произведения внешнее. Глубже — окрепшее в Эдит с годами «мужское» начало, дружба и профессиональное равенство с писателями и людьми искусства, среди которых подавляющее большинство составляли мужчины: наставник Генри Джеймс, ближайший друг и советник — Уолтер Берри, архитектор и соавтор первой книги Огден Кодмен.

И наконец — не зависть к мужской свободе, но свойственное творческому человеку желание сделаться «другим», увидеть мир чужими глазами, посмотреть на себя самого со стороны. И на редкость чуткое понимание того, что и «другой» столь же ограничен и несчастен. Уортон удивительно трезва и неутопична, это — одна из драгоценных черт ее таланта. Никакая судьба, никакая эпоха или страна не превращаются под ее пером в идеал.

В Америке второй половины XIX века проблема «другого» стояла особенно остро. Как раз в пору детства Эдит состоялось окончательное открытие Европы, и с тех пор на протяжении двух поколений писательские, а в значительной степени и читательские судьбы решались в зависимости от самоопределения по отношению к Старому Свету.

Одни утверждали безусловное преимущество нового образа жизни, нового Адама, требующего своей литературы. Так из Нового Света с прищуром смотрит на Старый Марк Твен. Другие столь же решительно предпочитали устоявшуюся европейскую культуру. Безусловным вождем этой группы стал «английский классик» Эдит — Генри Джеймс. Значительная часть американских писателей оставалась американцами поневоле, поскольку не имела средств для эмиграции. «О, если бы я мог эмигрировать!» — восклицает второстепенный персонаж романа, не находящий в Нью-Йорке применения своим талантам.

Выбор Эдит был существенно сложнее. Одна из тем романа «Эпоха невинности» — разрыв между миром состоятельных светских людей и миром творцов культуры. Главный герой, Ньюленд, искренне сожалеет об отсутствии картин в домах, забитых репликами античных статуэток, о неумении читать и нелюбви к книгам. Ни музеев, ни литературных салонов, ни интеллектуальных бесед в клубе. Основной вид искусства,

признаваемый его окружением, — опера («Шведские певцы по-итальянски передают сюжет немецкого поэта для англоязычных слушателей»). И он задается вопросом: кто мог бы соединить собой эти два мира, которые так легко и естественно соединены в Европе? Такой человек должен был бы по праву принадлежать к свету, но не подчиняться его законам или же иметь достаточную «харизму» и средства, чтобы навязать обществу новый вкус. «Беззаконной кометой» могла бы стать старуха Минготт, но та отродясь не интересовалась культурой. Или же законодателем утонченной моды мог бы стать Бофорт, у которого в доме как раз имелись картины, — но изумрудные ожерелья привлекали Бофорта гораздо сильнее. Мелькает в романе и третий вариант — светский человек, ушедший в науку и сохранивший лишь слабые связи с прежним окружением.

Связь между своим родным нью-йоркским обществом и миром культуры, в который Эдит Уортон стремится, она понимает как связь между Америкой и Европой. Создавая европейские книги об американцах, предъявляя американцам европейское зеркало, она исполняла свое жизненное предназначение. В пору зрелого профессионализма это стало призванием и счастьем, но в молодости еще не осознанное стремление скрепить собой два мира грозило душевным заболеванием.

В отличие от многих соотечественников, с Европой Эдит связывала детская память: спасаясь от финансовых последствий гражданской войны и связанных с ней «неприятных ощущений» (а хорошее общество, как явствует из романа, пуще чумы избегало всего неприятного, некрасивого, нарушающего его наивность), родители увезли маленькую Эдит в Европу и вернулись домой, лишь когда ей исполнилось десять.

Эту деталь нужно учитывать. В год, когда разворачивается действие «Эпохи невинности», Эдит исполнилось тринадцать лет. В ее памяти еще свежи европейские впечатления, выставки, концерты, достаточно пестрый и интересный круг знакомств — ко всему этому напрямую или через родителей девочка была подключена. За границей самые строгие условности смещаются, и Эдит могла общаться и воспринимать мир с существенным возрастным опережением. Возвращение на родину положило всему этому конец. Восторжествовали соображения приличия, и десятилетняя Эдит утратила разом и свободу, и ощущение своей взрослости.

В отрочестве и в первые годы брака ей и впрямь могло казаться, что она — певчая птица, запертая в золотой клетке, а родина духа, источник человеческой и творческой свободы — Европа. В начале 1890-х годов, когда угроза нервного срыва подступила вплотную, Уортоны начали по многу месяцев проводить во Франции и Италии. Но чтобы вылечиться, Эдит нужно было написать книгу, а это случилось только в 1897 году.

Когда пятнадцатилетняя Эдит писала свою повесть, она еще не была знакома с нью-йоркскими гостиницами — ну а в европейских всякое бывает. И чтобы вернуться к романам, ей нужно было не просто усвоить материнский урок — сдать экзамен. Таков был ее уровень требований к себе. Первая профессиональная, опубликованная книга Эдит — не роман. В соавторстве с Огденом Кодменом она написала книгу о дизайне и интерьерах американских домов.

К этому времени Эдит отлично разбиралась в «хорошо убранных гостиницах» и настойчиво рекомендовала сменить викторианский стиль с крупной мебелью, загромождающим помещение «антиквариатом», «ламбрекенами, гобеленами и прочим, чему и названия-то не подберешь», простой и строгой классикой.

В «Эпохе невинности» пристрастие автора к интерьерам — едва ли не одна из сюжетных пружин. Люди здесь могут быть одного покроя, они склонны к статике, зато их костюмы достаточно разнообразны и обсуждаются неоднократно, а уж внешний и внутренний вид дома, солидный адрес, соответствие традиции или моде — вот в чем проступают индивидуальные характеристики. Взять хотя бы эпатажное жилище старухи Минготт — за пределами модного квартала, с французским расположением апартаментов; суперсовременную и режущую глаз окраску особняка, купленного для молодоженов тестем Ньюленда, или наличие бальной залы у Бофорта, искупающей в глазах света наличие второй семьи. И здесь даже в крупных масштабах заметно движение. Бофортотская зала, как и окраска дома Ньюленда и Мэй, — новинки.

А детали! Интерьерные мелочи как раз и отражают вкус владельца. Мечты Ньюленда о библиотечных шкафах без стекол — очередное проявление тонкого вкуса, в ущерб практичности, как полагает старшее поколение; потрясшее Нью-Йорк умение

Эллен «разбрасывать» цветы, не собирая их крупными букетами. Простодушное общество многое простило графине Оленской за это элегантно нововведение.

И с такой же благодарностью общество откликнулось на предложение Эдит Уортон наставить его в хорошем вкусе, привести в соответствие с современными требованиями, сориентировать на европейскую моду, с учетом и собственных особенностей.

Однако на этом счеты Эдит с «хорошим обществом» отнюдь не сведены, и она ищет возможности описать нью-йоркский свет, не впадая в этнографизм (в «Эпохе невинности» Ньюленд постоянно сравнивает принятые правила поведения с ритуалами туземцев). И находит довольно жестокое решение: «Это легкомысленное общество обретает драматический смысл лишь через то, что его фривольность уничтожает... такова должна быть моя героиня, Лили Барт... женщина из общества, но без денег».

Роман «Дом веселья» вышел в 1905 году. Эта книга обнаружила два сильнейших качества писательницы Эдит Уортон — наблюдательность и великолепный, выразительный язык, ироничный без шутовства, проникновенный без сентиментальности. В XX век она вступала профессиональной, международно признанной писательницей.

В 1911 году Эдит Уортон даже не разоблачает, а раздевает нью-йоркское общество в еще одном романе, на этот раз откровенно сатирическом — «Обычай страны». Здесь замкнутая племенная система показана не с точки зрения жертвы, а с точки зрения плута — вернее, плутовки, многобрачной карьеристки, которая хитроумно использует «обычай» в своих целях.

Но со всей полнотой гений Эдит Уортон, как многих англоязычных авторов, раскрывается не в романах, среди которых были и менее удачные, а в рассказах. В романах она до конца жизни будет прислушиваться ко внутреннему цензору, в угоду публике рельефнее выписывать сентиментальную линию, избегать чересчур острых тем. Зато ее рассказы не только емки, остроумны, неожиданны, полны афоризмов, превосходящих знаменитые «шутихи» Уайльда, — эти рассказы порой так откровенны, так горьки и циничны, что даже в пору ее славы журналы иной раз отказывались их публиковать.

Эдит любила и уважала «чтиво», поскольку любила и уважала своих читателей. Она создала немало шедевров на неувядающую тему привидений. Но сразу же, с первых публикаций, появились рассказы о творчестве, о лжи и искренности пишущего человека, о неизбежных жизненных разочарованиях, об отчуждении между близкими.

Может быть, с этих рассказов, а не с романа, пусть отмеченного премиями и экранизированного, следовало бы начать наше знакомство.

Одним из первых Эдит Уортон опубликовала рассказ «Оселок» — печальное и мужественное пророчество самой себе. Умерла прославленная писательница. Ее возлюбленный, обычный, порядочный, ничем не замечательный человек, при жизни быстро перестал отвечать ей взаимностью («никакой гений не искупит неумение укладывать волосы»), а после ее смерти не устоял перед искушением и продал ее письма, чтобы заработать денег на брак с любимой девушкой. Рассказ очень сложный: в отличие от романов, здесь герои проходят через множество душевных перипетий, их чувства далеко не сводятся к любви или алчности, гораздо существеннее стыд, сочувствие, уважение к себе или его утрата, жалость и верность. Эдит Уортон сумела в итоге провести своих героев через мучительные испытания — к очищению. Но как не увидеть в покойной писательнице, так щедро одаренной умением любить и посмертной славой, так скупой наделенной прижизненным счастьем, — автора, саму Эдит Уортон?

Реальный роман в ее жизни состоялся позже (в 1907–1908 годах), и хотя объектом был человек незаурядный — журналист Морис Фуллертон, — трудно отделаться от впечатления, что ведущей в этих отношениях была Эдит. На пятом десятке она обрела наконец присущую ее родине мощную энергию и жажду жизни. Она стала настоящей американской писательницей-эмигранткой, прочно обосновалась во Франции — сперва в аристократическом Сен-Жермене, потом в пригороде. По собственным правилам разбила сад. С 1902 года ежегодно издавала по книге — романы, сборники рассказов, а также архитектурные и ландшафтные очерки. Обзавелась машиной и объездила всю Францию и Италию, выпустила два тома видов Италии, описание французских пейзажей. Добиралась до Туниса. Жила.

В 1913 году Эдит Уортон наконец развелась с мужем. В 1914-м началась Первая мировая война, и эпоха невинности оказалась в безвозвратном прошлом.

Эдит Уортон принимала деятельное участие в обороне Франции. Трудилась в благотворительных организациях, организовала приюты для беженцев, открыла им свой дом, помогала Франции профессионально. Она вновь объездила страну, не раз побывала на фронте и написала книгу «Сражающаяся Франция», оказавшую влияние на решение США вступить в войну. Когда американские войска высадились на европейский берег, офицеров снабдили еще одной книгой Уортон — руководством по французским манерам и обычаям. После победы Эдит Уортон была награждена орденом Почетного легиона.

Художественная литература, написанная ею за войну, была не слишком удачна — патриотичные военные повести. В 1921 году Эдит публикует очередной «американский роман» — «Эпоху невинности». Решение вернуться к теме нью-йоркского общества, да еще на полвека назад, могло показаться невыигрышным. Уолтер Берри, прочитав книгу, заметил: «Это прекрасно, однако никому, кроме нас с вами, не интересно. Наш мир давно ушел в прошлое».

За роман Эдит Уортон получила Пулитцеровскую премию, а вскоре и степень доктора Йельского университета. Отошедший в прошлое мир оказался притягательнее современности. Он был ограничен, тот мир, быть может, и нежизнеспособен, но то был мир порядочных людей. Даже самые мучительные и откровенные рассказы Эдит Уортон не могли бы состояться иначе, как в мире порядочных людей. В наступавшем сугубо материалистическом, расчеловечивающем веке душевные терзания ее персонажей едва ли понятны.

В некотором смысле «Эпоха невинности» — роман, задуманный той самой десятилетней девочкой. Она изображает нью-йоркское общество более однородным и оцепеневшим, чем в действительности, хотя в самом романе, вопреки повторяющимся заклинаниям о неподвижности нью-йоркского бомонда, то и дело всплывают персонажи и эпизоды, противоречащие этой теории. И в конечном счете единственным консерваторм оказывается Ньюленд.

Даже его невеста, невиннейшая Мэй, допускает возможность развода и разрыва помолвки во имя соединения любя-

щих сердец. Неподвижно, нерушимо в своих устоях это общество исключительно с точки зрения самого Ньюленда. Начитанный, побывавший в Европе, прогрессивно мыслящий молодой человек не видит альтернативы там, где ее вполне разглядят «типичные представители» света. По сути дела, Ньюленд — подросток. Подростки очень консервативны: им кажется, что мир всегда был таким, каким они его застали, и всегда будет. Их бунт индивидуален, им не хватает мудрости присмотреться к переменам в других.

Ньюленд — «альтер эго» подростка Эдит, взиравшей на взрослый мир с отроческой дерзостью и самонадеянностью и осекшейся на первом же замечании: «Гостиные всегда хорошо убраны».

Можно прочесть «Эпоху невинности» как обличение нравов недавнего прошлого. Или как детски наивную и подростково беспощадную повесть о мире взрослых. Или как ностальгическую реконструкцию, которую увидел в романе Уолтер Берри. Или вовсе отнести «Эпоху невинности» к женским любовным романам. Ведь превратились «Унесенные ветром» из исторического исследования в поджанр любовного чтива («Скарлетт»), и кино здесь сыграло свою роль, как и в судьбе «Эпохи невинности» — экранизация (вернее — римейк фильма 1934 года) Мартина Скорсезе.

Эту книгу можно прочесть несколько раз — и по-разному. В любом случае это прекрасная проза.

После «Эпохи невинности» Эдит Уортон написала еще несколько романов — хороших, хотя и не столь популярных, много рассказов и очерков. Она продолжала профессионально работать, выпуская по книге в год. В 1934-м опубликовала воспоминания, в которых главным образом рассказывала о людях, с которыми ее сводила судьба. Продолжала путешествовать, и к ней приезжали многие: европейские и американские писатели — получить благословение; соотечественники, для которых посетить Эдит Уортон стало частью культурной программы «большого тура по Европе»; первые биографы.

Она умерла после краткой болезни в 1937 году, немислимо далеко от эпохи невинности.

В эпилоге «Эпохи невинности» речь заходит о новом поколении. Дети Ньюленда и Мэй живут в совершенно ином мире, и родителям не дано понять их. Но это такие же честные,

такие же добрые люди, более того — сын Ньюленда старается понять отца и быть ему другом. Ему кажется, что отец принес свою великую любовь в жертву обстоятельствам и устаревшим понятиям и новое поколение так бы не поступило, но молодой человек помнит и слова матери: «Вы всегда можете положиться на отца, потому что ради нас он пожертвовал самым дорогим».

Катастрофы XX века начались с разрыва поколений. С невозможности положиться на отца.

И теперь мы понимаем, что Эдит Уортон — из тех, кто скрепил позвонки двух столетий, христианское наследие XIX века и посттравматический XX век.

Л. СУММ

ЭПОХА НЕВИННОСТИ

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Январским вечером начала семидесятых Кристина Нильссон¹ пела в нью-йоркской Академии музыки в опере «Фауст».

Хоть уже шли толки о возведении бог знает где, за Соколовыми улицами, нового здания Оперы, призванного затмить роскошью и дороговизной великие оперные театры европейских столиц, нью-йоркский бомонд по-прежнему с удовольствием коротал вечера зимнего сезона среди потертого ало-золотого убранства лож доброй и такой приветливой Академии. Люди консервативные ценили ее зал за малые размеры и неудобство, что оберегало его от нашествия «новых людей», чьи фигуры, все более заметные в жизни города, теперь не только привлекали, но и вызывали у ньюйоркцев своего рода оторопь; людей чувствительных и сентиментальных привязывали к залу воспоминания, его богатая история и отличная акустика — качества, обычно так трудно достижимые в музыкальных театрах.

Это было первым выступлением мадам Нильссон в зимнем сезоне, и те, кого ежедневная пресса привыкла именовать «весь цвет Нью-Йорка», собрались послушать ее, преодолев скользкие заснеженные мили пути в собственных экипажах — небольших одноконных ли-

¹ Нильссон Кристина (1843—1921) — прославленная шведская певица — сопрано, в свое время считалась соперницей Адельны Патти. «Сомнамбула» (1831) — опера итальянского композитора Винченцо Беллини (1801—1835). Патти Адела Мария (Аделина) (1843—1919) — знаменитая итальянская певица. (Здесь и далее прим. перев.)

бо вместительных семейных ландо, а кто и не столь помпезным, зато удобным образом «на «Браун-купе», в Брауновых наемных платных экипажах. Впрочем, приехать в Оперу «на Браун-купе» едва ли почиталось менее достойным, нежели прибыть туда в личном кабриолете, а уж уехать «на Браун-купе» давало прибегшему к такому способу передвижения (эдакой шутливой игре в демократизм) неоспоримое преимущество мгновенно влезть в первое же из стоявших в ряд общедоступных транспортных средств, не дожидаясь возле подъезда Академии явления там раскрасневшейся от холода и выпитого джина физиономии кучера. Безошибочная интуиция платных возчиков подсказала им догадку о том, что потребность американцев поскорее покинуть место увеселения превышает даже потребность на это увеселение попасть.

Ньюленд Арчер открыл дверь в глубине клубной ложи как раз в тот момент, когда поднявшийся занавес открывал глазам зрителей декорацию сцены в саду. Причины не приехать в театр пораньше у молодого человека, казалось бы, вовсе не было: отобедал он ровно в семь в обществе только матери и сестры, после чего помедлил еще, сидя с сигарой среди полированных книжных шкафов из черного орехового дерева и затейливых, увенчанных резным узором кресел в «готической библиотеке», единственной комнате, где миссис Арчер разрешала курить. Однако ведь Нью-Йорк — это прежде всего и в первую очередь крупный центр культуры, а хорошо известно, что в крупных центрах культуры приезжать в Оперу вовремя «не принято». Нью-Йорку Ньюленда Арчера умение разбираться в том, что «принято» и что «не принято», представлялось крайне важным, владение подобным знанием играло роль некоего тотемного божества из тех, кои тысячи лет назад тяготели над нашими предками, верша их судьбы, правя ими и повергая души в трепет и благоговение.

Вторая причина неспешности действий Ньюленда коренилась в особенностях его характера. Он медлил, куря сигару, потому что, строго говоря, был дилетантом,